

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается сборник работ Блюмы Вульфовны Зейгарник, который начинается с ее широко известного исследования, выполненного под руководством Курта Левина и опубликованного в 1927 году, и заканчивается последней статьей, вышедшей в 1989 году, уже после ее смерти. То есть представленные работы охватывают по временному диапазону практически весь творческий путь Б. В. Зейгарник, основательницы московской школы клинической психологии, ученицы прославленного К. Левина и сотрудницы Л. С. Выготского — самого цитируемого и влиятельного отечественного психолога¹. Предложение написать предисловие к этому сборнику для меня не только большая честь, но и очень непростая задача, так как она предполагает осмысление творчества Блюмы Вульфовны — замечательного человека и известного ученого, а для меня еще и любимого учителя, во многом определившего мое становление как профессионала.

Хотелось бы начать словами В. И. Вернадского:

История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением, и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо

¹ Если в начале 1990-х годов таких цитат насчитывалось всего несколько сотен, то в 2015 году их число приблизилось к 9000. Количество же ссылок на работы Л. С. Выготского, согласно данным Google Scholar, с 1996 по 2015 год достигает 135 000 и даже превышает количество ссылок на работы Ж. Пиаже (по материалам доклада А. Н. Перре-Клермон на международном симпозиуме «Научная школа Л. С. Выготского: традиции и инновации», Москва, 2016 год, 27–28 июня).

вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое потому, что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое...¹

Вернадский был глубоко убежден в том, что настоящими центрами научной активности являются не страны и не организации, а конкретные ученые. Так сложилось, что в 1920–1930-е годы Блюма Вульфовна оказалась в эпицентре деятельности двух величайших умов прошлого столетия. Синтезу идей этих гениев и созданию на этой основе нового направления в науке и посвятила она свою профессиональную деятельность.

В своем известном интервью М. Г. Ярошевскому Блюма Вульфовна рассказала, как она попала в круг учеников К. Левина. Позволим себе привести длинную цитату из этого интервью, так как в ней прекрасно описана та атмосфера, в которой шло ее становление как ученого:

Как я вошла в левиновскую школу? Я участвовала в его семинаре и, вероятно, показалась ему более или менее стоящей. Он принял меня в число своих учеников. Он не всех принимал. Был очень большой отсев, но не по отметкам, а по беседам, по участию в семинаре. С теми, кто становился его учениками, он постоянно общался вне стен университета, часто приглашал группу учеников к себе домой, где нас привечала его жена (кстати, член коммунистиче-

¹ *Вернадский В. И.* Избранные научные труды академика В. И. Вернадского. Том 8. Труды по истории, философии и организации науки. К.: Феникс, 2012. С. 210.

ской партии). Сквозь призму психологических проблем или беседы и о художественной литературе, знатком которой, в особенности Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, был К. Левин. Его школа стала как бы своего рода семьей, о которой он заботился. Главное же, что отличало К. Левина, — это его большая и самозабвенная любовь к психологии. И поэтому все тянулись к нему. Он часами говорил о науке в любой обстановке. Вы могли, например, кататься с ним на яхте. Он был большой любитель этого спорта. Я боюсь этой лодки, и для меня самыми страшными моментами общения с К. Левином были те, когда он говорил о психологии. Я же, видя, как яхта наклоняется, не могла ни о чем думать. ...Конечно, он постоянно говорил об этом. И не только учил нас на словах, но и демонстрировал своим исследовательским поведением. ...Как относился К. Левин к тем фактам, которые противоречили его теории? Он их обожал. Он не любил, когда приходил к нему студент или сотрудник и были стопроцентные совпадения. Он говорил: «Слишком сходится». И наоборот, он придавал большое значение негативным фактам. К сожалению, сейчас это не совсем в моде¹.

Среди серии блестящих работ учеников школы Левина особое место занимает исследование Блюмы Вульфовой, так как в нем описано сделанное ею открытие, получившее название «эффект Зейгарник». Открытие нового феномена — это настоящее событие в науке, именно поэтому В. Келер по легенде поздравил ее словами: «Вы стали знаменитой. Вы открыли феномен!»

О замысле работы, который осенил Левина в кафе за обычным ужином, а также его последующей реализации Блюма Вульфовна рассказала во все том же знаменитом интервью:

¹ Ярошевский М. Г. В школе Курта Левина (Из бесед с Б. В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 175–176.

Обычно К. Левина окружало несколько студентов. Мы ходили с ним часто в находившееся недалеко от института небольшое «шведское кафе», где пили кофе. Вдруг К. Левин буквально сорвался с места и подозвал официанта. «Там в углу, — обратился он к нему, — сидит парочка. Скажите, пожалуйста, что она заказала?» Официант, не глядя в свою записную книжечку, перечислил. «А вот сейчас вышла парочка, — продолжал К. Левин, — что они ели?» Официант начал перечислять и запутался. Тогда К. Левин спросил у меня: «Как Вы думаете, почему это так?» Я предложила свое объяснение: «Потому что ему не интересно знать о том, что оплачено, а тут он отвечает своим карманом перед хозяином». Тогда и появился замысел экспериментального изучения памяти на завершённые и незавершённые действия. К. Левин предоставлял ученикам большую самостоятельность. Вначале он не присутствовал на экспериментах, которые мне удалось с трудом наладить. Многие испытуемые недоумевали. Я производила на них странное впечатление. Иногда говорили: «Какой-то сумбурный экспериментатор; то Вы даёте задание, то отбираете (когда это прерывалось), вообще непонятно, что здесь происходит». Много усилий надо было приложить, чтобы отработать методiku. К. Левин знал о моих исследованиях, но сам наблюдал опыты лишь на их завершающей стадии. Результаты работы, совместно с данными других учеников, были включены К. Левином в доклад, с которым он выступал в 1926 г. на Международном психологическом конгрессе. Он интерпретировал их, исходя из своей концепции¹.

Интересно, что так же, как и Фрейд, Левин попытался перенести на изучение психики моделирующие представления² из физики —

¹ Ярошевский М. Г. В школе Курта Левина (Из бесед с Б. В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 176.

² Согласно выдающемуся отечественному методологу, философу и психологу Н. Г. Алексееву, моделирующее представление — это модель

наиболее передовой и бурно развивающейся науки того времени. Он этого и не скрывал. Об этом говорит весь концептуальный аппарат его теории поля: энергии, валентности, характер требования или притяжения и т. д. Вскрыть и описать универсальные законы работы психики через законы работы психической энергии — именно такую амбициозную задачу ставил перед собой Левин. Блюма Вульфовна отмечает в том же интервью:

Однако стремление к формализации погубило теорию К. Левина. Тогда я этого не понимала. <...> Можно сказать, что К. Левин был противоречив. Он «гнул» в формализацию, а в наших работах ее нет. К. Левина интересовал человек, его реальное поведение. Он посещал с нами и дома инвалидов, и тюрьмы, и колонии для малолетних преступников. Он стремился в жизненном материале увидеть мотивы поведения. Но, с другой стороны, все это формализовалось¹.

реальности, которая «схватывает» и отражает какие-то ее существенные стороны. Новые модели могут быть построены в результате открытия новых сторон, новых связей в изучаемой и преобразуемой реальности, они не являются результатом игры ума или «чистого разума», а в значительной степени есть порождение разума «практического». За ними стоит развивающееся и углубляющееся чувство реальности исследователя, который всегда опирается на неизбежно ограниченный опыт и теоретические разработки своих предшественников. Обогащенные собственным опытом исследователя, моделирующие представления включают в себя новое знание, которое не может быть сразу оформлено в строгие научные понятия, для этого необходимо определенное совершенствование и пересмотр понятийного аппарата (Алексеев Н. Г. Методологические принципы анализа концептуальных схем деятельности в психологии // Проблемы методологии в эргономике. М.: ВНИИТЭ, 1979).

¹ Ярошевский М. Г. В школе Курта Левина (Из бесед с Б. В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 178.

Здесь очень важно сказанное Блюмой Вульфовой как бы между прочим о формализации: «В наших работах ее нет...» Как же произошло освобождение от формализации при сохранении того ценного, что было в разработках Левина? Можно предположить, что именно встреча с Л. С. Выготским в период зрелости его научной мысли и глубокого осмысления кризиса современной ему психологии способствовала этому освобождению.

Гениальность Выготского заключалась в понимании того, что без ответа на вопрос о том, как развивается психика, невозможно понять механизмы ее работы. Ответ на этот вопрос искал не только он. Но если Пиаже ограничился идеей о саморазвитии индивидуальной психики по ее имманентным законам, то Выготский видел природу психического в интерперсональном и социальном контексте. При этом он не ограничился идеями французской социологии и марксизма о роли общества в формировании индивидуального сознания, а вышел на идею культурных средств, которые присваиваются ребенком в процессе взаимодействия со взрослым и становятся инструментами его развития и собственно человеческой организации психики. Недаром он называл свою теорию инструментальной. В связи с этим положением еще одна цитата, которая удивительно точно передает революционную суть этой теории. Эта цитата взята из записей одного из учеников и последователей Выготского, создателя концепции этапов развития психики в онтогенезе Д. Б. Эльконина:

Не забыть: если бы Л. С. был жив и я смог бы, как это часто бывало, за чашечкой кофе в кафе «Норд» задать ему вопрос, то я спросил бы его: «А ты понимаешь, что своей теорией интериоризации ты отрицаешь то понимание психики и сознания, которое существовало до сих пор в так называемой классической психологии? Отрицаешь изначальность, заданность «души» и всей душевной жизни, отрицаешь, что человек рождается с не-

совершенной и неразвитой, но все-таки душой, что она уже есть в нем и что носителем ее является мозг. Ты, наоборот, утверждаешь, «душа» человеческая, человеческое сознание (психика), существует вне нас как явление интерпсихическое в форме знаков и их значений, являющихся средствами организации совместной, прежде всего трудовой деятельности людей, и что только в результате этого взаимного воздействия людей друг на друга возникает интрапсихическое в форме тех же знаков и значений, но направленное на организацию своей собственной деятельности. Душа не задана человеку изначально, а дана ему во внешней, чисто материальной форме!¹

И здесь Выготский, так же как и Левин в описанной выше сцене с официантом, сидя в кафе со своими учениками, говорит о психологии... Оба они жили этим интересом и вовлекали своих талантливых учеников и сотрудников в это служение науке вплоть до самоотречения и понимания последствий этого выбора в эпоху идеологического давления и прямых репрессий. Это следует из письма Л. С. Выготского к одному из своих учеников:

Чувство огромности и массивности современной психологической работы... делает бесконечно ответственным, в высшей степени серьезным, почти трагическим (в лучшем и настоящем, а не жалком значении этого слова) положение тех немногих, кто ведет новую линию в науке (особенно в науке о человеке). Тысячу раз надо испытать себя, проверить. Выдержать искуc, прежде чем решиться, потому что это очень трудный и требующий всего человека путь... Как бы ни определился путь всех вас... мы с вами сохраним личную приязнь и самую настоящую дружбу при всех обстоятельствах².

¹ Леонтьев А. А. Л. С. Выготский. М.: Просвещение, 1990. С. 42.

² Там же. С. 48.

Первые публикации по культурно-исторической теории появились в 1928 году. Уже тогда Выготский разводит поведение и деятельность: поведение как естественную, свойственную и животным форму активности, а деятельность как специфически человеческую форму отношений с миром. Деятельность, основанную на использовании орудий или средств, выработанных в процессе развития человечества и человеческой культуры в целом и трансформированных во внутренние средства организации индивидуальной психики в результате интериоризации в процессе взаимодействия со взрослыми. Поэтому наиболее адекватным методом для понимания психического он считал исторический метод анализа.

На фоне вышесказанного нельзя не удивиться недавнему открытию, сделанному группой зарубежных ученых под общей вывеской «Меморандум Сломана—Паттерсона—Барби». В этой публикации ученые признаются, что нейронауки зашли в тупик, так как пытаются понять тайны психики, изучая человеческий мозг, в то время как для понимания сложных когнитивных процессов того, как человек мыслит, необходимо обращение к социальным наукам: «Когнитивии простираются в окружающий мир и мозг других людей»¹.

Авторы — нейропсихолог Арон Барби, профессор психологии Иллинойского университета в Урбане-Шампейне; Ричард Паттерсон — почетный профессор философии в Университете Эмори и Стивен Сломан — профессор когнитивных, лингвистических и психологических наук из Брауновского университета указывают на ограниченность возможностей изучения индивидуального мозга. «Накопленные данные говорят о том, что память, логика, способность к принятию решений и другие высшие психические функции находятся в интерперсональном пространстве»².

¹ *Sloman S. A., Patterson R. and Barbey A. K. (2021) Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge. Front. Syst. Neurosci. 15:675127. doi: 10.3389/fnsys.2021.675127*

² *Ibid.*

Как мы видим, открытие, сделанное Выготским почти сто лет назад и оформленное в концепцию культурно-исторического происхождения высших психических функций, сейчас открывают заново ведущие зарубежные ученые, причем открывают в очень ограниченном формате, без широты и масштаба поиска Выготского. Блюма Вульфовна, прошедшая научную школу Левина, смогла оценить гениальность Выготского и его идейную близость левиновскому системному подходу к психике, утверждавшему принцип единства аффекта и интеллекта. Она сразу активно включилась в работу над новой теорией:

В 30-е гг. больше всего интересовались нарушением отдельных процессов. Мы же с Л. С. Выготским первыми заговорили об аффективной деменции, утверждая мотивационно-личностный подход к патопсихологическим явлениям. И в этом отразилось влияние левиновской школы¹.

Выготский, в свою очередь, смог рассмотреть в молодой женщине (Блюме Вульфовне был 31 год на момент знакомства с ним) задатки большого ученого:

Приехала Zeigarnik. Десятого в заседании лаборатории она сделала доклад о новых работах (успех и неуспех Hoppe, Sättigung, переключение Spanning на другие пути — проблема Ersatz в удовлетворении потребностей). Хорошо. Изящно. Умно. Немного от рукоделья дамского. Вполне в стиле Lewin'a² (из письма Л. С. Выготского А. Р. Лурия от 12 июня 1931 года).

¹ Ярошевский М. Г. В школе Курта Левина (Из бесед с Б. В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 172.

² Выготский Л. С. Письма к ученикам и соратникам // Вестник Московского университета, 2004. Серия 14, Психология. № 3. С. 27.

Как уже упоминалось, Блюма Вульфовна стремилась к изучению психической патологии. Так же, как и Выготский, она была уверена, что многие ключи к разгадке тайн человеческой психики можно найти именно там:

В 1931 г. я вернулась из Германии и сразу же, буквально на следующий день, стала работать с Л. С. Выготским. В Коммунистической академии им. Н. К. Крупской было отделение психологии, которым ведал Н. И. Гращенков. Он пригласил Л. С. Выготского, А. Р. Лурия и меня там работать. Потом это отделение расформировалось в две клиники ВИЭМ: психиатрическую и неврологическую. Н. И. Гращенков ушел в неврологическую, я — в психиатрическую, ныне — им. С. С. Корсакова. В те годы Л. С. Выготский увлекался патологией. Между прочим, К. Левин тоже ею интересовался¹.

В ВИЭМе Блюма Вульфовна стала работать в должности старшего научного сотрудника. По ее словам, интерес к патопсихологии впервые возник у нее еще в Берлине, когда вместе с Левином она посещала клинику соматических заболеваний Гольдшейдера и читала публикации «Патопсихологического журнала». В 1935 году ей была присвоена степень кандидата биологических наук. При этом немецкая степень доктора философии в те годы в СССР была свидетельством того, что ее обладатель потенциально является носителем чуждых буржуазных идей.

Как отмечает А. А. Леонтьев, в 1930-е годы сам Лев Семенович и его ближайшие последователи оказались в крайне сложном положении, так как идеологизация психологии выражалась в пре-

¹ Ярошевский М. Г. В школе Курта Левина (Из бесед с Б. В. Зейгарник) // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 178.

имущественной разработке таких тем, как, например, «психология пролетариата». Историческая психология не только не снискала интереса и признания, но, напротив, стала предметом критики недоброжелателей. Работу А. Н. Леонтьева о развитии и орудийном строении памяти¹ разрешили напечатать только с предисловием, в котором Выготский и Леонтьев должны были сами разоблачать собственное исследование как недостаточно идеологически выдержанное.

Гонения на культурно-историческую психологию продолжались до самой смерти Выготского в 1934 году, а летом 1936 года, уже после его смерти, вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», за которым последовал удар по экспериментальной психологии и психологии в целом. Идеологической критике подверглись работы многих ученых, в том числе и Выготского. Блюма Вульфовна глубоко переживала гонения на него и его учение, она считала своим долгом сохранить идеи культурно-исторической психологии, в огромной ценности которых была уверена.

Как тут еще раз не вспомнить Вернадского:

Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед нами задачи. Но мы должны всегда помнить и знать, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может... организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству... которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается.

¹ Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. С предисл. Л. С. Выготского. М.; Л.: Учпедгиз, 1931.

Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации¹.

По понятным причинам в статье «К проблеме понимания переносного смысла слов или предложения при патологических изменениях мышления» 1934 года (это год смерти Выготского, когда нарастают, как было сказано выше, нападки на культурно-историческую психологию) Блюма Вульфовна не упоминает его имя. Однако она использует в ней понятия из гештальттерапии, из школы Левина, пытается нащупать новые понятия для обозначения феноменов, всплывающих в процессе работы с разными больными:

Другому больному надо объяснить «не красна изба углами, а красна пирогами». Больной объясняет: «Предмет хорош не углами, а серединой; весь предмет в целом, а не углы хороши». Экспериментатор помогает ему: «Ну, а если по отношению к людям, к жизни, к работе применить эту фразу?» Испытуемый отвечает: «В работе можно тоже смотреть углами, углы, что это за углы — туманно в голове делается». Мы видим, что эти углы как бы держат в плену нашего больного, который не пытается даже пояснить поговорку в буквальном смысле, ни передать ее в виде переноса. У больного наступил распад структуры фразы (Gestaltzerfall²).

При непонятном мышлении структура этого смыслового поля не дифференцирована, она допускает большое количество значений, которые и направляют мышление больного. Для того чтобы не поддаваться этим связям, больной должен как бы

¹ Вернадский В. И. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского. Том. 8. Труды по истории, философии и организации науки. К.: Феникс, 2012. С. 522.

² Распад гештальта (пер. с нем. авт. предисл.).

«стать над ситуацией»¹, т. е. он должен как бы временно отвлечься от поля, в котором он находится. В нашем случае это означает отойти от всех конкретных значений слова: больной должен отойти от слова «рожа как физиономия», более того — он должен отойти от им самим созданного и осознанного переноса «кривая рожа — пьяница» и понять слово в его абстрактном значении. Слово должно, как и вся ситуация, стать не только лабильным, но и дифференцированным, т. е., включая в себе все конкретные значения, слово должно как бы над ними возвышаться.

В этой статье Блюма Вульфовна также ставит задачу поиска специфических для разных заболеваний нарушений, отталкиваясь от классификации стадий развития понятийного мышления, описанных Выготским, но тоже без упоминания его имени:

Все эти формы нарушений понимания переносного смысла, проявляющиеся то в виде комплексного, то синкретического мышления, выражают собой распад структуры значения слова, ее слишком большую лабильность или скованность — отсутствие дифференциации — и являются в известной мере как бы различными симптомами нарушения понятийного мышления. Поэтому с правом возникает вопрос, насколько эти симптомы могут быть специфичны для того или иного вида заболевания.

Статья хорошо показывает, как тогда, в первой половине 30-х годов, начинала строиться патопсихология — московская школа клинической психологии, основанная на живом эксперименте. Также из статьи хорошо видно, как разрабатывались, обкатывались первые патопсихологические методики, как шел поиск принципов построения патопсихологического эксперимента и интерпретации

¹ *Lewin, Wille, Vorsatz und Bedürfnis* — такая сноска указана в оригинале статьи Б. В. Зейгарник (авт. предисл.).

полученных данных. На весьма распространенный упрек в «субъективности» патопсихологических методик Зейгарник отвечала словами Выготского:

...чрезмерная боязнь так называемых субъективных моментов в толковании <...> и попытки получить результаты исследования чисто механическим, арифметическим путем... являются ложными. Без субъективной обработки, то есть без мышления, без интерпретации, расшифровки результатов, обсуждения данных нет научного исследования¹.

Следующая статья, представленная в сборнике, написана спустя двадцать лет и посвящена нарушениям мышления при органических поражениях мозга. Позади репрессии 1930-х годов, арест и смерть мужа, война, Павловская сессия, Дело врачей. В этой статье Блюма Вульфовна уже прямо ссылается на Выготского и выходит на задачи реабилитации. Выготского интересовала именно и в первую очередь психологическая практика, и Зейгарник, уже отработавшая в госпитале Кисигач с ранеными, видит перспективу такой практики в развитии саморегуляции путем разворачивания громкой речи. Она переносит эту идею на воспитание детей, которым сейчас, видимо, можно было бы поставить диагноз СДВГ. И звучит эта идея, выдвинутая почти 70 лет назад, достаточно современно:

Известное значение имеет распознавание подобного рода мыслительной недостаточности в детском возрасте. Исследования, проведенные М. С. Певзнер [8] в клинике проф. Г. Е. Сухаревой, показывают, что среди умственно отсталых детей имеется группа, выделяющаяся своим поведением. Эти дети овладевают операциями счета, чтения, обладают относительно хорошей речью и вместе с тем не удерживаются в массовой школе вслед-

¹ Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 40.

ствие «бездумности» своих действий. По отношению к этим детям нужно применять особые методы воспитания и обучения.

Ознакомление с описанным нами видом нарушения мышления имеет известное значение и для решения вопросов о формировании мышления нормального ребенка. Соотношение процесса развития мышления и его распада носит сложный характер; распад не является «негативом» развития. Однако в некоторых случаях и у здоровых детей наблюдается картина недостаточной целенаправленности мышления, импульсивности поведения. Вопрос о том, в какой мере это явление есть следствие соответствующего воспитания или болезненного состояния, должен решаться конкретно в каждом отдельном случае.

В заключение хотелось бы остановиться на возможности компенсации описанного дефекта, на возможности создания условий, способствующих формированию критического отношения больного к действительности, к своему поведению. Исследования, проведенные в нашей лаборатории дипломицей кафедры психологии МГУ Л. В. Урусовой, показали, что больные, допускавшие грубые, нелепые ошибки в задании с пропусками букв, более успешно справлялись с этой задачей, если им приходилось проговаривать задание вслух. Включение громкой, развернутой речи приобретало такое же значение, как направляющий вопрос экспериментатора.

Приведенный факт находится в соответствии с исследованиями Л. С. Выготского [1], П. Я. Гальперина [2], А. Н. Леонтьева [3], А. Р. Лурия [4], которые показали, что речь мобилизует сложившиеся в жизненном опыте ребенка систематизированные связи, ориентирует в возможных выходах из сложившегося положения, дает возможность выделить приемы и средства, которые позволяют решить задачу. Речь способствует возникновению самоконтроля.

Этот факт требует, однако, дальнейшего экспериментального исследования.

Итак, из приведенной цитаты видно, что в центр интересов Блюмы Вульфовой уже в 50-е годы выходит проблема саморегуляции — создания условий, способствующих формированию критического отношения больного к действительности, развития самоконтроля. Зейгарник любила говорить об опосредствованности поведения, то есть способности человека регулировать его с помощью определенных средств. Вот и указание на механизм того, как человеку удастся «встать над полем», поиском которого она была занята в 30-е годы вместе с Выготским. Интересно, что здесь она ссылается уже и на работы П. Я. Гальперина, посвященные формированию умственных действий и выделению этапов интериоризации внешних средств, включая этап внешней речи.

Еще один прыжок более чем на двадцать лет вперед, и перед читателем третья статья сборника, посвященная мотивам мышления. Мотивация — вот что на протяжении всей жизни больше всего интересовало Блему Вульфовну, верную последовательницу Левина и Выготского, которого она цитирует в самом начале статьи:

*Как только мы оторвали мышление от жизни и потребности, мы закрыли сами себе **всякие пути** (курсив мой. — Б. З.) к выявлению и объяснению свойств и главного назначения мышления: определить образ жизни и поведения, изменить наши действия.*

Можно только удивляться, как предвосхитила Блему Вульфовна то, что позднее получило название «нарушение социальной направленности мышления», особенно ярко проявляющееся в нарушении социальных когниций¹. Она перечисляет самые разные

¹ Холмогорова А. Б., Рычкова О. В. Нарушения социального познания: новая парадигма в исследованиях центрального психологического дефицита при шизофрении. М.: Неолит, 2019.

гипотезы, выдвинутые тогда относительно специфики мышления у больных шизофренией Ю. Ф. Поляковым и И. Ф. Фейгенбергом у нас и Н. Камероном за рубежом. Но при этом указывает, что все они не учитывают важную роль именно искаженной мотивации и смысловой сферы при интерпретации нарушений мышления у этих больных.

Совершая интеллектуальные операции сравнения, обобщения, анализа и синтеза, ряд больных шизофренией (чаще всего это параноидная и так называемая простая форма шизофрении с вялотекущим прогредиентным течением) руководствуется формальными признаками, использует «латентные» свойства предметов [7]; так, например, один из подобных больных объединяет при классификации объектов карандаш и термометр на основании «протяженности», «удлиненности»; другая больная объединяет книгу и уборщицу с метлой, потому что «это предметы, выметающие сор из жизни». Подобные нарушения описываются в разных понятиях: одни авторы считают, что речь идет о повышенной актуализации малоупроченных в прошлом опыте свойств [5, 6]; другие подчеркивают нарушения вероятностного прогнозирования [10], искажение процесса обобщения [3]; зарубежные психологи подчеркивают «сверхвключаемость» [11]. Нам думается, что подобные нарушения мышления связаны с той смысловой и аффективной смещенностью, которая присуща данным больным.

В этой статье 1979 года Блюма Вульфовна вслед за А. Н. Леонтьевым ставит проблему мотивации в контекст проблемы личности, рассматривая мотивационную сферу как ядро личности. Уже написана работа Б. С. Братуся, посвященная изменению личности у больных алкоголизмом, и работы многих других учеников Блюмы Вульфовны, которые она обобщает и активно цитирует в следующей

статье, опубликованной в «Психологическом журнале» в 1982 году, то есть всего три года спустя, за шесть лет до своей смерти. Эта статья под названием «Патопсихологический метод в изучении личности» направлена на освещение для широкой психологической аудитории роли исследований, которые ведутся в рамках московской школы патопсихологии, к этому времени уже вполне сформировавшейся.

Данные этих исследований Блюма Вульфовна обобщает и соотносит с наработками левиновской традиции в статье на английском языке. Статья была написана в связи с выдвижением ее на премию Курта Левина по инициативе Дж. Таппа¹, с которым они познакомились на конгрессе в Лейпциге в 1980 году. Перевод этой статьи также приводится в данном сборнике. Хочется процитировать то место из нее, в котором Блюма Вульфовна формулирует один из ведущих принципов своей научной деятельности — приоритет теории над эмпирикой. Можно назвать эту позицию осознанным антипозитивизмом. Она любила цитировать физика Л. Больцмана и повторять его слова на лекциях и в беседах с учениками: «Нет ничего практичнее хорошей теории...». В докладе эта идея также в центре:

В науке путь к знаниям лежит не через эксперимент к теории, а через теорию к эксперименту. Воспроизводимость отдельного явления не следует расценивать как критерий научной достоверности, напротив — явление должно получить научное подтверждение в контексте теории. Данный подход Левин описывает в статье, посвященной сравнению аристотелевского и галлеевского способов мышления. В отличие от аристотелевской интерпретации явлений, когда причина заключается в свойствах

¹ Tapp, J. L. (1984), Kurt Lewin Memorial Address: B. V. Zeigarnik. Journal of Social Issues, 40: 177–179. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1984.tb01100.x>

самого явления, галилеевский подход подразумевает попытку установить причину без привязки к таковому. Аристотелевская концепция служит целям классификации и, таким образом, всегда неизбежно оторвана от частного случая, в то время как галилеевская делает акцент на условиях, в которых произошло явление, что позволяет выявить принципы его возникновения. Галилеевский способ мышления дает возможность интерпретировать конкретную ситуацию и преодолеть очевидные противоречия между общими понятиями и единичными случаями.

В 1980-е годы шла интенсивная работа в области дальнейшего изучения механизмов саморегуляции и опосредствования, в которой мне довелось принять самое активное участие. Я написала диссертацию под руководством Блюмы Вульфовны, а незадолго до ее смерти была закончена работа над совместной статьей с ней и Еленой Мазур. Эта работа увидела свет уже после смерти Блюмы Вульфовны и была напечатана, как и еще две статьи из этого сборника, в «Психологическом журнале». Эта посмертная статья замыкает данную подборку научных трудов, но мне хотелось бы остановиться на ней несколько подробнее, потому что она завершает творческий путь Блюмы Вульфовны. И, конечно, потому, что над идеями этой статьи мы работали вместе, начиная с моих курсовых и кончая диссертациями — моей и Елены Мазур (наши работы писались параллельно).

Именно благодаря контакту с Блюмой Вульфовой я усвоила такую вещь: человек должен заниматься тем, что ему интересно. Возможно, несколько раз все придется изменить, сделать новый выбор, но все-таки прийти к тому предмету, который интересен именно вам. Поэтому Блюма Вульфовна ничего не навязывала студентам, всегда предлагала разные варианты для учебных работ. Она сразу

сказала, что ей очень интересна проблема саморегуляции, а я на тот момент знакомилась с методикой анализа речевой продукции при решении творческих задач¹. Это было что-то совсем новое для Блюмы Вульфовны — школа рефлексивного подхода к мышлению, которая находилась еще на стадии становления. Ее представляли работы Н. Г. Алексеева, И. Н. Семенова и В. К. Зарецкого, и их идеи далеко не всегда находили отклик и поддержку в научном сообществе. Так, в 1975 году, на защите диплома, посвященного организации и динамике мышления при решении творческих задач, В. К. Зарецкому была поставлена оценка «хорошо» за употребление в качестве одного из ключевых для работы «никому не известного непсихологического термина «рефлексия» (этот случай описан Н. Г. Алексеевым в его докторской диссертации²). Блему Вульфовну примерно в это же время как раз очень заинтересовал данный подход, так как именно в рефлексии — способности осознавать, контролировать и перестраивать собственное мышление — она увидела один из важнейших механизмов развития способности к саморегуляции. Блюма Вульфовна с энтузиазмом все это приняла и даже, посоветовавшись с таким экспертом в области психологии мышления, как О. К. Тихомиров, предложила ввести это понятие в эпицентр моей диссертации и в заглавие: «Нарушения рефлексивной регуляции мышления при шизофрении». Как ученого ее отличала удивительная открытость опыту, она была не из тех, кто относится ко всему новому с подозрением.

В центре внимания в этой последней статье, конечно же, самая главная для Блюмы Вульфовны проблема — владения собой

¹ *Зарецкий В. К., Семенов И. Н.* Логико-психологический анализ продуктивного мышления при дискурсивном решении задач // Новые исследования в психологии. 1979. № 1. С. 3–8.

² *Алексеев Н. Г.* Проектирование условий развития рефлексивного мышления: дисс. докт. психол. наук в форме доклада. 2002.

и своими психическими функциями, проблема человеческой силы и достоинства — проблема саморегуляции. В статье для дальнейшей разработки этой темы уже не только на материале исследования тяжелой психической патологии, а в более широком жизненном контексте, вводится новое важное понятие. И это понятие, без которого уже просто немыслима современная международная психологическая наука, — понятие рефлексии.

Н. Г. Алексеев, которого мы можем по праву назвать пионером психологических исследований рефлексии, определял ее как процесс установления отношений между ранее не связанными содержаниями, что неизбежно изменяет смысл и видение каждого из них. В своих работах мне не раз приходилось приводить схему рефлексивного акта Г. Фихте, которую Н. Г. Алексеев, а вслед за ним В. К. Зарецкий развернули и дополнили¹.

Эта схема прекрасно описывает также работу психотерапевта, направленную на перестройку неадаптивных убеждений пациентов через развитие рефлексивной способности. В нашей совместной статье 1989 года мы вводим понятие «смыслового связывания», или установления отношений между разными содержаниями, как важнейшую функцию и суть рефлексии. Зная любовь Блюмы Вульфовой к художественной литературе как источнику тонкого феноменологического анализа психологических проблем, я предложила привести в первой части статьи в качестве примера саморегуляции и смыслового связывания выдержку из автобиографической повести Г. Гессе «Курортник». Блюма Вульфовна поддержала это предложение, а Елена Мазур добавила в статью примеры из своей клинической практики. Блюма Вульфовна успела прочесть

¹ Холмогорова А. Б. От главного редактора: предсказания А. Т. Бека о будущем психотерапии и опыт российских специалистов // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 3. С. 8–23. doi:10.17759/cpp.2021290302.

и одобрить статью, но вскоре после этого она оказалась в больнице, откуда ей уже не пришлось вернуться домой...

Хочется надеяться, что последовательное прочтение работ этого сборника поможет читателям лучше понять творческий путь выдающегося ученого и удивительно светлого человека — Блюмы Вульфовны Зейгарник, о которой с большим теплом вспоминали в разные периоды времени ее ученики, коллеги и близкие¹. Статьи, собранные в этом сборнике, не только плод интенсивного и напряженного творческого поиска. Нам, российским психологам, нужно ценить наследство, доставшееся от людей, которым потребовалось очень большое мужество, чтобы сберечь его. Среди них почетное место принадлежит Блюме Вульфовне Зейгарник.

А. Б. Холмогорова

*Доктор психологических наук, профессор,
декан факультета консультативной
и клинической психологии МГППУ,
ведущий научный сотрудник НИИ Скорой помощи
им. Н. В. Склифосовского,
член правления Российского общества психиатров (РОП),
вице-президент Российской
психотерапевтической ассоциации (РПА),
член-основатель Академии когнитивной психотерапии (АСТ),
главный редактор журнала «Консультативная психология
и психотерапия» (МГППУ)*

¹ *Зейгарник А. В.* Блюма Вульфовна Зейгарник (попытка воспроизведения жизненного пути) // Московский психотерапевтический журнал. № 4, 2001. С.182–193.

Николаева В. В., Поляков Ю. Ф. Феномен Зейгарник // Патопсихология (под ред. А. С. Спиваковской). М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Вспоминая учителя // Консультативная психология и психотерапия. Интервью с А. Б. Холмогоровой. 2017. Том 25. № 3. С. 145–152. doi:10.17759/cpp.2017250310